

Анатолий СОФРОНОВ

ВЕЧНОЕ

...А мне все вспоминается вторая половина тридцатых годов, когда мы, один из киносценаристов Ростовской кинохроники и я, тогда еще совсем молодой поэт, направились в Вешенскую, чтобы встретиться с Михаилом Александровичем Шолоховым. Мы уже раньше были знакомы с ним. Его приезды в Ростов, встречи с писателями, с молодыми литераторами в кабинете молодого автора Профиздата, конечно же, уже тогда оставили неизгладимый след в памяти. Было это в те тридцатые годы, когда уже появились первые две книги «Тихого Дона», а третья книга задержалась печатанием в журнале «Октябрь». Неотразимое обаяние Михаила Шолохова наполнило наши души, молодых донских писателей, для которых «Тихий Дон» стал не просто романом, где встретились знакомые по жизни люди, но и тем философским осмыслением времени, которое развивалось по ленинским оценкам, которые он давал донскому казачеству в различные периоды сокрушительной классовой борьбы, во время гражданской войны, развернувшейся на степных просторах Дона. Именно тогда и возникло в студии Ростовской кинохроники желание сделать короткий, двухчастевой, документальный фильм о Михаиле Александровиче Шолохове. Это и было причиной нашей поездки в Вешенскую.

Тогда еще через Дон от хутора Базки, что расположен на другом берегу реки, напротив станицы Вешенской, не было наплавного моста, а ходил паром, набитый до предела подводами, сладко пахнувший сеном, овсом. Неторопливо паром пересекал Дон. Перед нами был не очень высокий, но все же

крутой берег. Обычный для того времени Дом колхозника. И, наконец, встреча с Михаилом Александровичем во дворе его дома. Был теплый летний день. Шолохов вышел в старой гимнастерке, без пояса, крепко пожал нам руки. Режиссер (к сожалению, память унесла его имя) рассказал о цели нашего приезда. Шолохов внимательно нас выслушал, потом улыбнулся:

— А зачем? Разве писатель нуждается в том, чтобы его показывали на экранах? Главное то, что он пишет.

— Михаил Александрович, люди хотят видеть, где вы живете, как работаете, что любите?

— Как работаю? Как все писатели, за письменным столом. А люблю рыбалку и охоту. Вот от них никак не могу отказаться. У нас здесь много озер, и Дон дает такие возможности.

Беседа наша длилась долго. По двору бегали куры и прочая живность. Возле летней кухни хлопотала Мария Петровна, изредка поглядывая в нашу сторону.

В ту пору я не имел к кино никакого отношения и только присоединился к настойчивой просьбе режиссера из Ростовской кинохроники.

В конце концов Михаил Александрович согласился:

— Ну, хорошо. Подумаем.

— Нельзя ли посмотреть ваш кабинет? — спросил я Михаила Александровича.

Шолохов снова улыбнулся:

— Пожалуйста. В нем нет ничего особенного.

Мы поднялись на второй этаж. Вошли в небольшую комнату, посреди которой стоял письменный стол. На нем аккуратно сложенные лежали горки писем. В цент-

ре стола раскрытый машинописный текст. Помню, тогда думалось: очередные главы «Тихого Дона».

— Вот и весь кабинет, — сказал Шолохов. — Но здесь я мало пишу, жарковато.

Мы много ездили по окрестным хуторам и станицам, встречались с колхозниками. Снова были у Михаила Александровича. Уже когда я вернулся в Ростов, я написал стихи. Они помещены 38-м годом. Назвал «В станице Вешенской». Позволил себе их привести целиком:

У берега поджарые быки
Лениво ждут неспешной
переправы;

Разлился Дон и скрыл
степные травы —
Разливы в этом месте
широки.

Паром. На нем высоко
взметены
Оглобли, брички, арбы,
полутонна...

«Ковыльный край,
родимая сторонка», —
Играет балалайка в три
струны.

Ты обернись — и пред
тобой, близки,

Предстанут вновь
побеленные хаты,

Среди садов, над яром
элеватор —

То через Дон виднеются
Базки.

Пойдешь в станицу —
на горе она...

Спешат в селцо казачки
в полушалках.

Все незнакомые, и это
жалко...

Узнать бы мне прохожих
имена!

Хотелось бы немедля
угадать:

В бордовой кофте или
в кофте синей

Мелькнула за левадой
Аксинья

И сколько лет ей можно
нынче дать?

Светлеет небо к полдню,
и ясней

Станица вся приподнята
на взгорье,

А голубое в зелени
подворье

Как бы взлетело голубем
над ней.

Шумит листва
под ветерком степным

И прячет в тень
щербатые пороги...

За тридевять земель
ведут дороги

Из дома с мезонином
голубым.

Над домом проплывают
облака,

Их путь далек, неведом,
бесконечен.

Ни на какой он карте
не помечен,

И потому дорога нелегка.

...Но вдруг нарушив
кажущийся сон,

С подворья голуби
стремглав взлетают,

Шумя крылами, пролетают
стая,

И ветерок несет их через
Дон.

Они стремятся
к дальним берегам,

И, выровняв движение
по ветру,

Навстречу полдню,
солнечному свету

Они летят, и кажется —
к Базкам.

Фильм все же был снят. Вышел на экраны. Но, к сожалению, видимо, во время войны погиб. Сколько потом мы искали кинокадры, где был запечатлен молодой Шолохов, который так неохотно снимался, не нашли.

Уже совсем после войны, после того, как Сергей Герасимов выпустил свой фильм «Тихий Дон», можно было еще и еще раз почувствовать силу и могущество кинематографа, силу экрана, умеющего выделить главное.

...Я только что вернулся из ГДР, где проходили Дни советской культуры. И там, и в других странах, где мне довелось побывать, мы всегда слышим не просто отзывы о «Тихом Доне» или «Поднятой целине», а в каждом отдельном случае свою оценку, сравнение этих книг с судьбами, с историей своих народов. Так было в старом индийском городе, в Пенджабе, в доме одного из писателей, где мы были с Мулж Радж Анандом. Шел разговор о Михаиле Шолохове.

— Это великий писатель. «Тихий Дон» — это книга

для всех, — говорил Мулж Радж Ананд.

А совсем недавно в Африке, в Мозамбике, находясь с группой писателей в одном из районов этой страны, мы встретились с партийным бюро сельского коллектива. Их было человек пятнадцать, мужчин и женщин. И все они как-то странно напомнили тот далеккий период коллективизации, который проходил у нас на Дону. Вот так же, в борьбе, проходит он и здесь, в Мозамбике.

За год до трагических событий в Чили вместе с советским послом Александром Басовым мы побывали в гостях у Сальвадора Альенде. Это была не длинная встреча, всего лишь час с небольшим, Альенде был не очень здоров, но тогда был полон оптимизма. А потом мы вышли из дома и поднялись на гору. Под нами лежала столица Чили Сантьяго. После некоторого молчания Басов сказал:

— Ох, сколько же здесь, в Чили, полонцевых.

Он был прав, Басов. Эти полонцевые сыграли зловещную роль в судьбе чилийского народа.

Я вспоминаю все эти встречи, потому что они все связаны с величайшими романами XX века.

Джеймс Олдридж однажды, когда мы были у него в гостях в Лондоне и где, конечно, разговор, кроме различных других тем, шел и о литературе, сказал:

— Шолохов — гений. Все, что он написал, неповторимо. Сейчас трудно представить мировую литературу без «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

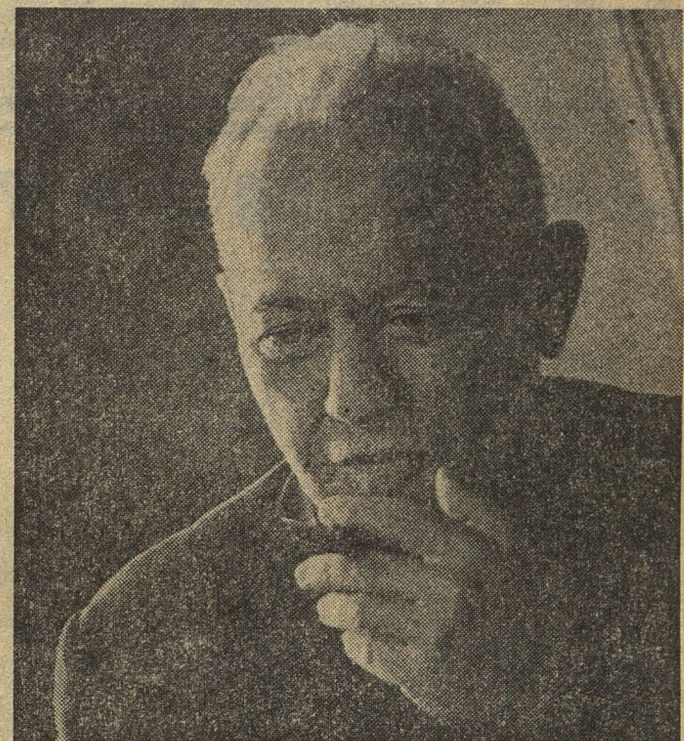
А уже совсем недавно в Москве встретились мы с лауреатом Международной Ленинской премии, присужденной ему в 1980 году, египетским революционным писателем Абдуррахманом аль-Хамиси. Он говорил мне:

— Мы знаем жизнь Шолохова, знаем его настоящих друзей, пусть я лично не знаком с ним. Но он для меня такой же друг, как и для тебя. И никто и никогда нас не оторвет от Шолохова, ибо Шолохов — это не только настоящее, но и будущее всей мировой литературы. Те, кто шагал рядом с ним, — говорил горячо Хамиси, — те дойдут до конца с ним. Мы же знаем, что во все времена народного движения появляются случайные спутники, потом отстающие в дороге.

Хамиси был, как всегда, взволнован, глаза его блестели. Он только что прилетел из Бейрута, одной из самых горячих точек нашей планеты.

Это все свидетельства любви к тому, что сделал Михаил Шолохов, глубочайшее уважение к нему. Не было в XX веке и нет других книг, которые так высоко подняли человеческое в человеке.

Ибо это — Вечное. Вечная литература.

Дважды Герой Социалистического Труда Михаил Александрович Шолохов. Фото А. Ломохова. (Москва).

Воплотилось в образе Давыдова...

«Дорогому Андрею Плоткину на память о старой нерушащейся дружбе. М. Шолохов». Эти слова написаны на книге писателя, которая бережно хранится в одном из домов подмосковного города Видное. Здесь же можно увидеть портрет Михаила Александровича с его дарственной надписью «старому и верному другу А. Плоткину»...

А дружбе этой — полвека. В январскую стужу 1930 года на Дон приехал пареня в матросской тельняшке. Молодой моряк был крепкий, загорелый, в нем, как в корабельном паровом котле, кипела неуемная энергия. В его документах значилось: судовой механик А. А. Плоткин по заданию партии направляется в казачий край организовывать первые колхозы.

Казакам хутора Лебяжье-го Вешенского района понравился хозяйственный и не по годам рассудительный посланец партии. На своем собрании они избрали Плоткина председателем колхоза. И не ошиблись: морячок оправдал их доверие.

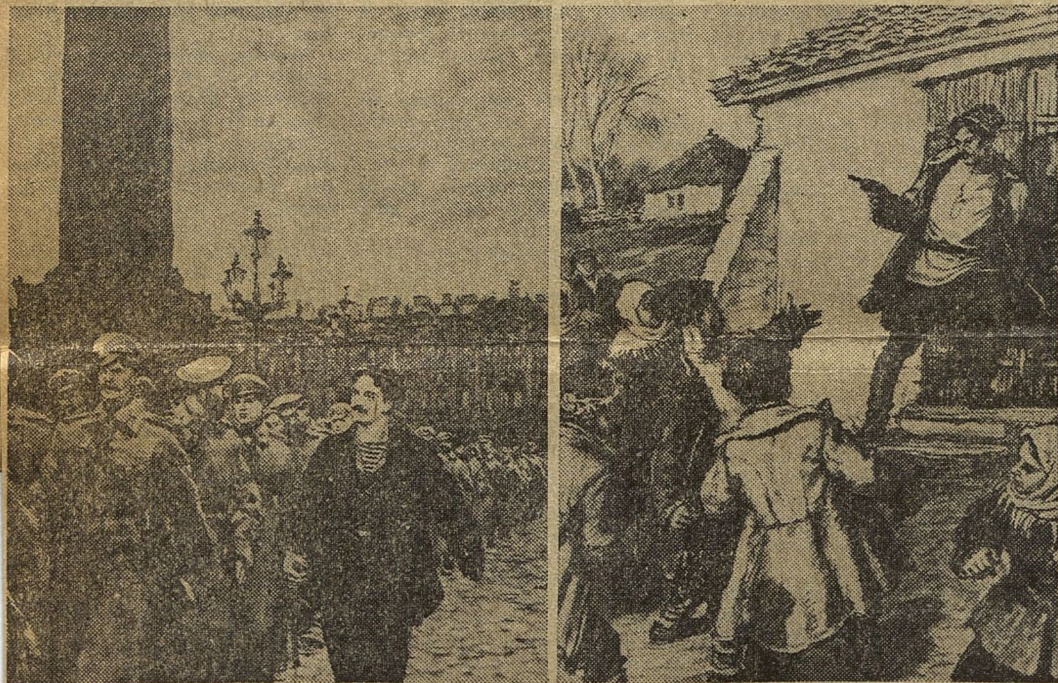
Приглаждался к нему и М. Шолохов. Как-то много лет спустя на Вешенской партийной конференции писатель вспоминал:

— На заре коллективизации у нас в Лебяжьем колхозе председателем работал инициативный, рачительный хозяин Андрей Плоткин. Он не только сеял хлеб, но и уделял большое внимание бахчеводству, огородничеству, закладывал в хуторе Солонцовском виноградники.

Рассказывая о своей работе над «Поднятой целиной», Михаил Александрович говорил:

— Я хорошо знал моряка, флотского механика Плоткина и слесаря-путиловца Баю-

В. МОИСЕЕВ.

Иллюстрации к романам «Тихий Дон» и «Поднятая целина». (Художники О. Верейский и А. Лаптев).